

ЭРИН МАККЭН

ЭРИН МАККЭН

ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ
ИНОСТРАННЫЕ
СЛОВА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Erin McCahan
Love and Other Foreign Words

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Faye Bender Literary Agency и Prava I Perevodi International
Literary Agency*

Маккэн, Эрин.

М15 Любовь и другие иностранные слова / Эрин
Маккэн ; [пер. с англ. П. Денисовой]. — Москва :
АСТ, 2015. — 320 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-088203-8

Джози владеет множеством языков. Один — для колледжа, другой — для друзей и еще несколько — для знакомства с парнями, для расставаний, для разговоров о музыке... Но никто не говорит на ее родном языке. Никто, кроме ее лучшего друга Стью и сестры Кейт, которая вот-вот выйдет замуж за совершенно неподходящего человека. Джози не может этого допустить и сделает все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

«Спасая» сестру, Джози много узнает о своих друзьях и близких, о любви и о себе самой.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088203-8

Copyright ©2014 by Erin McCahan
© П. Денисова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Но должно же быть хоть какое-то решение.

Я лежу на кровати Стью, таращусь в потолок и размышляю о том, какая бы формула тут подошла, но иксы, игреки, скобки и вопросительные знаки мельгешат перед глазами и мешают сосредоточиться. В другом углу комнаты Стью сидит у синтезатора, повернувшись ко мне спиной. Он то и дело берет несколько аккордов, а потом останавливается, чтобы написать или стереть какую-нибудь нотную закорючку в записной книжке.

— Это вообще невозможно решить, — говорю я. — Переменных слишком много.

— Я же говорил.

— Но мне *правда* надо знать.

— Думаю, ты вполне проживешь и без этого знания. Я ведь живу.

Я сажусь, поправляю очки и тут замечаю, что из одеяла, похожего расцветкой на пончо, — из кирпично-красной полосы этого одеяла — торчит нитка.

— Займись этим, пока все не распустилось.

— Чем заняться?

Я объясняю.

– Да просто выдерни ее.
– Ну уж нет.
– Тогда забей.
– Ты ведь понимаешь, что я не смогу спать под этим одеялом, пока из него торчит нитка. Мысль о ней будет преследовать меня всю ночь.

– А ты собиралась тут спать? – спрашивает он, глядя на меня через плечо.

– Теперь точно нет.

– То есть раньше собиралась!

– То есть где бы я ни спала в будущем, под этим одеялом определенно не буду.

– Не знал, что наша дружба подразумевает совместные ночевки, – говорит он. – А косички мы друг другу будем заплетать?

– Ага. Жду не дождусь, когда увижу тебя с элегантным пучком.

– А теперь послушай вот что. – Он снова вернулся к синтезатору и заиграл до мурашек восхитительное вступление к одной из лучших песен всех времен – «Come Sail Away» (музыка и слова Денниса ДеЯнга, который раньше пел в группе Styx, а ныне сочиняет музыку, выступает на Бродвее и по всем показателям является лучшим представителем рода человеческого. Думаю, в свободное время он спасает заплутавших автомобилистов, обезвреживает карманников и без перерыва сдает кровь и плазму, пока Красный Крест не отстраняет его на время от донорства ради его же блага. Если порыться у него в шкафу, то наверняка найдешь плащ супергероя).

Стью начинает петь. Ему одному, насколько я могу судить, удастся не испортить своим исполнением

песни Денниса ДеЯнга — в моих устах это наивысший комплимент для исполнителя. Стью поет в паре ансамблей, и у него настолько хороший слух, что руководитель нашего школьного хора часто советуется с ним по поводу аранжировок для мюзиклов и концертов. Сама я пою довольно средне и не умею играть ни на одном инструменте. Когда мне было девять, я полгода брала уроки фортепиано, и те шесть месяцев оказались самыми долгими в моей жизни. Я не видела в этом никакого смысла, а учительница отказывалась отвечать на все мои «почему» и «зачем». Зачем подписывать пальцы к нотам? Зачем нужны лиги? Зачем нужна правая педаль? Почему бы просто не пропустить эту ноту? Почему вы не научите меня играть вот эту мелодию? Почему не существует синих роялей? Нет, ну правда, почему не бывает синих роялей?

День, когда родители разрешили мне бросить уроки, стал счастливым для нас обеих.

Как раз тогда, когда ритм становится быстрее, Стью замолкает, и вот внезапно звучит та же мелодия в классической обработке, нечто среднее между менуэтом и концертом, словно песню сочинил сам Иоганн Себастьян. Если бы я не видела игру Стью собственными глазами, то могла бы поклясться, что пианистов в комнате больше одного.

Минуту или полторы спустя он прекращает играть и поворачивается на стуле в мою сторону:

- Дальше пока не придумал.
- Мне нравится.
- Рад стараться, — отвечает он.

А Софи кричит из коридора: «Ты играешь не так, как надо!»

– Я играю так, как хочу, – вопит Стью в ответ.
– Это потому что ты до фига чудной!
– А ты пушистый пуделечек!
– Псих!
– Каштанка!
– Хватит, – в дверях появляется их мама. – Джози, останешься поужинать?

– Спасибо, тетя Пэт, но не могу. Сегодня приходит Кейт, и я наконец допрошу ее о нынешнем бойфренде, которого, к слову сказать, никто из нас еще не видел.

– Допросишь? Джози! – говорит тетя Пэт.

– Придется. Ради ее же блага.

– Ради ее же блага? – переспрашивают одновременно Стью и его матушка, и тетю Пэт это забавляет куда больше, чем его.

– Да. Я должна выяснить, вдруг он ей не подходит. Я почти уверена, что так и будет, и на то у меня три причины.

Тетя Пэт приподнимает брови, замерев в скептическом ожидании. Стью тоже иногда так делает.

– Во-первых, – для убедительности я поднимаю указательный палец, – все, что были до этого, ей не подходили. Во-вторых, – еще один палец оттопырился вверх, – они встречаются уже четыре месяца, а она до сих пор не привела его домой. Наверняка что-то скрывает. И третье, которое связано с первым: Кейт, в отличие от Мэгги, – это я о нашей старшей сестре, – не обладает ни каплей проницательности, когда дело касается парней, которые ей подходят.

– А ты, значит, обладаешь? – спрашивает Стью.

Я вспоминаю о вечере в честь возвращения в школу, и меня передергивает. Потом я говорю:

— Ну, выбирать парней для Кейт у меня получается лучше, чем у нее самой. И знаешь почему? Я не ослеплена любовью и руководствуюсь логикой.

— Тебе не нравился ни один из ее ухажеров.

— Спасибо, что сообщил.

— Ну ладно. Напомни-ка, что было не так с последним.

— Кукуруза.

— Кукуруза? — спрашивает тетя Пэт.

— Кукуруза, — подтверждает Стью.

— Он питался только кукурузой, мясом и шоколадом, — сообщаю я тете. — Вот тут проницательность и изменила Кейт. Она же обожает кулинарию. И ест уйму крестоцветных. И как бы она могла готовить день за днем для взрослого мужчины, который не ест ничего, что можно приготовить? Логично, что он для Кейт — неподходящая пара. Я так и знала, что они расстанутся. И просто предложила ускорить процесс.

— Крестоцветные, — говорит Стью. — А не клубневые?

— И эти тоже.

— А как насчет бобовых?

— Опять в яблочко.

— А как зовут ее нового приятеля? — спрашивает тетя Пэт.

— Джофф через «е», с тремя «ф» и немой «п». *Пджеффф.*

— Ну что ж, я надеюсь, что Джофф-через-е любит самые разные овощи, — говорит она.

— Вот сегодня и узнаем.

Когда тетя Пэт поворачивается к двери, я останавливаю ее вопросом:

— А вы знаете, что тут нитка распускается?

— Покажи, — она подходит поближе, и я указываю пальцем. — А, да, вижу. Просто дерни посильней.

Стью пожимает плечами:

— Я так и сказал.

— Не могу. А что, если она просто станет длиннее? А что, если ткань сморщится? А если все порвется...

— Вот, смотри, — тетя Пэт протягивает через меня руку и резко выдергивает нитку. Я вздрагиваю. — И никаких проблем, — она одаривает меня мимолетной улыбкой и покидает комнату.

Я смотрю на свои часы. Почти половина шестого.

— Мне пора. — Я спрыгиваю с кровати, неудачно приземляюсь на ногу и валюсь на пол.

Стью со злорадной ухмылкой играет начало Пятой симфонии Бетховена:

Та-та-та-тааааааа!

— Деннис ДеЯнг помог бы мне подняться, — общаю я, поднимаясь на ноги и поправляя очки. Пострадала лишь моя гордость.

— Стю Вейгмейкер считает, что ты растяпа.

— Ах да. — Я останавливаюсь в дверях. — Сегодня Джен Ауэрбах сказала мне, что ты ей вроде бы нравишься.

— Она не уверена?

Я пожимаю плечами:

— В настоящий момент ей многие нравятся. Но вообще это неважно, потому что я сказала держаться от тебя подальше.

– В самом деле? И почему же?

– Если не считать того факта, что ты сейчас встречаешься с Сарой Селман?

– Да, не считая этого.

– Я сказала ей, что для серьезных отношений ты не подходишь.

– Неправда, подхожу.

– Неа.

– Неправда, – выговаривает он по слогам. –

Подхожу.

– Не подходишь! – кричит Софи из своей комнаты.

– Вот видишь.

– Вы обе ошибаетесь, – говорит он и небрежно берет еще пару аккордов.

– Сара у тебя уже третья в этом календарном году. А ведь на дворе еще только март.

– Сегодня уже двадцать пятое, – протестует он. – Как-никак последний вторник месяца.

– И все же март пока не закончился. Получается по подруге в месяц. – Я показываю ему для убедительности три пальца. – Что тут еще скажешь.

– Ничего не говори. Потому что ты не права, и я не хочу быть свидетелем твоего позора.

– Я права, – говорю я.

И Софи подтверждает мои слова:

– Она права!

– Мне пора.

Я кричу Софи «пока» и останавливаюсь на кухне, чтобы погладить Мозеса, восьмикилограммового кота, что живет у Вейгмейкеров. Он едва терпит мои прикосновения: на прошлой неделе я наступила ему на хвост. Дважды.

Софи тоже из тех, с которыми серьезных отношений не построишь. У них с братом одинаковые светлые волосы, симметричные лица и приятные улыбки. Стью пишет музыку. Софи рисует: яркие коллажи, когда она счастлива, и мрачные пейзажи, когда пребывает в унынии. Однако я знаю обоих с раннего детства и потому могу сказать, что Софи (если не считать ее личной жизни) — натура гораздо менее сложная. Не то чтобы пуделечек, но если что-то не касалось ее напрямую, то она относилась к этому чему-то с восхитительным равнодушием.

Никто бы не обвинил Софи в том, что она слишком много думает, и я — закоренелый (неисправимый, как говорит папа) любитель все обдумать по сто раз — восхищаюсь этим ее качеством. Понятия не имею, как у нее получается. Меня это просто завораживает.

Тетя Пэт говорит, что они со Стью ссорятся, потому что у них такая маленькая разница в возрасте — тринадцать месяцев. Стью шестнадцать, а Софи пятнадцать. Она на три месяца старше меня, хотя я опережаю ее на один класс. Я пропустила второй и теперь учусь в выпускном вместе со Стью.

По мнению тети Пэт, они помирятся, когда Стью исполнится тридцать, а Софи двадцать девять, у них будут свои семьи и работа и жить они будут в разных штатах.

Родители купили дом напротив Вейгмейкеров почти двадцать два года назад, и с тех самых пор Кейт и наша старшая сестра Мэгги называли их тетя Пэт и дядя Кен.

По этой причине все в школе думают, что мы со Стью и Софи двоюродные. Мы не против. Легче согласиться со слухами, чем объяснять тонкости столь близких отношений между людьми, которые не являются членами одной семьи, хотя и должны бы.

Я выхожу от Вейгмейкеров и иду на другую сторону улицы. Сегодня влажно и холодно: типичная погода для позднего марта. Моросит. Я возвращаюсь мыслями к дилемме, которая погнала меня прочь из комнаты Софи, где я слушала, замороженная энтузиазмом рассказчицы, повесть о последнем ее расставании; в частности, она упомянула «этого сыролюбивого крысеныша». Именно эта фраза привлекла меня в комнату Стью, где я попыталась придумать формулу, которую он назвал невозможной. Но он ведь не прав. Должен быть — обязательно должен быть! — способ определить раз и навсегда, успела ли я за пятнадцать целых и четыре десятых года съесть целую крысу.

Глава 2

Я могу узнать средний размер крысы. Это просто. Но я не могу определить частоту, с которой эти грызуны падают в чаны на мясоперерабатывающих заводах, а также я не знаю, сколько раз мне приходилось есть фарш с крысятиной или как часто мама покупала определенные сорта фарша в определенных магазинах. И все это основывалось на предположении, что крысы таки падают в мясорубки и затем оказываются в хот-догах и гамбургерах, которые мне приходилось есть. Похоже, Стью все же прав. В этом уравнении слишком много переменных, и мне придется и дальше жить в неведении. Или догадываться.

Но я ненавижу догадки и приблизительные подсчеты — точные формулы и точные переводы нравятся мне гораздо больше. Математика — это язык. Я люблю языки. Взгляните на все те заимствования, которые я уже успела использовать за сегодняшний день:

- иероглиф (греческий)
- пончо (арауканский)
- ансамбль (французский)
- концерт (итальянский)

- менуэт (французский)
- гамбургер (немецкий)
- Пджеффф (джозийский)

Но самое лучшее слово из всех — это *типи*. Оно из языка сиу. Даже если бы я родилась в семье франкоговорящих пастухов в Швейцарских Альпах, услышав слово «типи», я бы сразу же поняла, что оно означает. Никакой путаницы. Все совершенно ясно. Вот он — эталон лингвистического величия.

Типи.

Ах, если бы все языки были такими же понятными, как сиу.

Я прохожу на кухню через черный ход. Постояв в одиночестве и посмотрев по сторонам, я понимаю, что сегодня будет на ужин. Мама составила для меня простую кулинарную формулу с ограниченным количеством переменных. Из расположения говяжьего фарша, луковицы и свежих помидоров в холодильнике, а также красной фасоли и специй на столешнице я делаю вывод, что сегодня мы будем есть чили. (Возможно, с незначительными вкраплениями крысятины — кто знает...) Родители почти всегда возвращаются домой после шести. Чили готовят на медленном огне, и поэтому я тут же приступаю к обязанностям помощника шеф-повара. Обучение я прошла у мамы и сестер, и они же нередко потом пользовались моими услугами.

Стоило мне поставить на огонь кастрюлю нужного размера, как в заднюю дверь впорхнула Кейт, зажав в руке мобильник, словно рацию.

— Нет, — говорит она в динамик, ставя на пол сумочку и портфель с документами. — Нет, мне нужно